

Их до сих пор путают — Ксению и Полину. Им долго нравилось поддерживать эту игру — вводить в заблуждение поклонников, приходило на свидания под видом сестры и прятать свою индивидуальность, которая всегда была у каждой. Теперь они стали взрослыми, и их разность оказалась очевидной — игра в одинаковость надоела, и сестры Кутеповы решили наконец обнародовать свою суверенность. Полина стала «дамой», Ксения взяла на себя нелегкую роль смешной девочки. Формальным признаком различия стало почти синхронное замужество обеих — Полина вышла замуж за театрального режиссера Евгения Каменьковича, Ксения — за кинорежиссера Сергея Осипяна. Многим это лучше всего помогло разобратся, кто есть кто.

Ксения, как и Полина, — актриса «Мастерской Петра Фоменко». Она хрупкая, рыжая, с прозрачной кожей и все время ускользает. От ее присутствия остается ощущение только что выскользнувшей из ладони теплой и нежной руки. Смотрит прямо и сквозь, голос твердый, а в конце фразы срывается на шепот и улыбку. Неуловимая и очевидная прелесть актрис «Мастерской» еще до конца не изучена, но давно является неоспоримым фактом.

У Ксении непримечательно много сыгранных в театре ролей. Только в «Войне и мире» она была и брошенной маленькой княгиней, и отчаянно влюбленной Соней, и

— Вы получили престижную премию Станиславского. Стала ли для вас такая реакция коллег на вашу работу в «Семейном счастье» неожиданностью?

— Я, честно говоря, не задумываюсь о каких-то премиях и поощрениях. Единственное, что могу сказать, Петр Наумович — Мастер, один из лучших современных режиссеров, и такая реакция на его спектакли для меня естественна.

— Ваш театр вышел из шинели гитисовского курса Петра Наумовича Фоменко 1994 года выпуска. Из того же призыва — ваша сестра, Галина Тюнина, Мадлен Джабраилова, Карэн Бадалов, Юрий Степанов. Вы по-прежнему команда и пять бездомных лет шутя называете «студийным периодом». Билетов в кассе как тогда было не достать, так не достать и сейчас. За что вообще любят ваш театр?

— М-м. Не знаю. В театре работают несколько поколений актеров, у нас общее воспитание, общие пенаты. Мы единомышленники, и это чувствуется на сцене. То же самое относится и к огромному количеству людей, которых не видит зритель. Все работающие здесь люди объединены общим воздухом, общим ощущением как театра, так и мира вокруг. Остаются и приживаются только родственные души, связанные и объединенные чем-то. Я думаю, это основная причина обаяния нашего театра.

ми раньше иметь дела не приходилось. Я много приобрела в профессиональном смысле.

Пленительная игра Ксении Кутеповой и дивная старомодная дикция ее партнера Сергея Тарамаева заставляют поверить, что как бы там ни было со счастьем семейным, но театральное временем получает...
Олег Зинцов, «Ведомости».

— Почему в театры сейчас ходит много людей?

— Я задумываюсь об этом постоянно и не могу найти ответа. Помните, лет восемь-десять назад был период расцвета театральных студий? В Москве тогда появилось невероятное количество маленьких театральных групп, они возникали, как цветы в поле. Почему? Наверное, это связано с какими-то настроениями, витающими в воздухе, с общественным самосознанием. Театр затрагивает много граней и тесно соприкасается с жизнью. Его развитие напрямую зависит от происходящего вокруг.

Новая газ - 2001 - 16 дек - с. 23
Ксения КУТЕПОВА:

ЛЮБЛЮ СМЕЯТЬСЯ НАД СОБОЙ

Нас с Полиной так воспитывали

Фото Ларисы ГЕРАСИМЧУК

— Ушла студийность. Сейчас можно прийти и давать интервью в грим-уборной. Это здорово. Единственное «но»: наша театральная площадка не мобильна, ее возможности быстро исчерпываются. Хотелось бы придумать что-то, не оглядываясь на технические ограничения.

— Общаются ли актеры вне стен театра? Ваше взаимопонимание на площадке нельзя объяснить только общими репетициями, общим Мастером.

— Мы знаем друг друга уже двенадцать лет. Вот недавно отмечали десятилетие спектакля «Приключение». В первый раз мы сыграли его в ГИТИСе в коридоре на третьем этаже. Ровно через десять лет мы все после спектакля пошли в ГИТИС, сели в этом коридоре и отмечали десятилетие спектакля. Мне кажется, это о чем-то говорит.

— Где вас можно увидеть, кроме театра?

— Нас с Сергеем (муж Ксении. — Е. В.) постоянно зовут на всевозможные светские мероприятия, и я испытываю иногда естественное желание пойти куда-нибудь отвлечься.

— Что это будет скорее — казино, фитнес-клуб, сеть клубов «О.Г.И.»?

— В казино я, наверное, не пойду, на фитнес — может быть. С удовольствием пойду в книжный магазин сети «О.Г.И.». Могу отправиться на фуршет. Но чаще, конечно, не хожу.

— Как вы готовитесь к спектаклю?

— В разных спектаклях разные энергетические затраты, соответственно, разная подготовка — как психологическая, так и техническая. Пример — спектакль «Волки и овцы», где мы с Мадлен Джабраиловой играем в очередь Мурзавецкую и Анфусу Тихоновну. Когда я играю Анфусу Тихоновну, для меня это отдых. Не задумываюсь ни секунды, прихожу за сорок минут до начала, быстро все надеваю, импровизирую и совсем никак не напрягаюсь. В тот день, когда я играю Мурзавецкую, прихожу раньше, начинаю разминать голос, потому что говорить нужно в нижнем регистре. Эта роль технически и психологически сложнее, нужно тянуть действие на себе.

— В кино собираетесь сниматься?

— Собираюсь, но много плохих сценариев. Театр «Мастерская Петра Фоменко» постепенно занимает в современной театральной культуре то место, которое когда-то занимала Таганка, а незадолго до нее — театр «Современник». Ольга Романцова, Vesti.ru

— Ушла студийность. Сейчас можно прийти и давать интервью в грим-уборной. Это здорово. Единственное «но»: наша театральная площадка не мобильна, ее возможности быстро исчерпываются. Хотелось бы придумать что-то, не оглядываясь на технические ограничения.

— Общаются ли актеры вне стен театра? Ваше взаимопонимание на площадке нельзя объяснить только общими репетициями, общим Мастером.

— Мы знаем друг друга уже двенадцать лет. Вот недавно отмечали десятилетие спектакля «Приключение». В первый раз мы сыграли его в ГИТИСе в коридоре на третьем этаже. Ровно через десять лет мы все после спектакля пошли в ГИТИС, сели в этом коридоре и отмечали десятилетие спектакля. Мне кажется, это о чем-то говорит.

— Где вас можно увидеть, кроме театра?

— Нас с Сергеем (муж Ксении. — Е. В.) постоянно зовут на всевозможные светские мероприятия, и я испытываю иногда естественное желание пойти куда-нибудь отвлечься.

— Что это будет скорее — казино, фитнес-клуб, сеть клубов «О.Г.И.»?

— В казино я, наверное, не пойду, на фитнес — может быть. С удовольствием пойду в книжный магазин сети «О.Г.И.». Могу отправиться на фуршет. Но чаще, конечно, не хожу.

— Как вы готовитесь к спектаклю?

— В разных спектаклях разные энергетические затраты, соответственно, разная подготовка — как психологическая, так и техническая. Пример — спектакль «Волки и овцы», где мы с Мадлен Джабраиловой играем в очередь Мурзавецкую и Анфусу Тихоновну. Когда я играю Анфусу Тихоновну, для меня это отдых. Не задумываюсь ни секунды, прихожу за сорок минут до начала, быстро все надеваю, импровизирую и совсем никак не напрягаюсь. В тот день, когда я играю Мурзавецкую, прихожу раньше, начинаю разминать голос, потому что говорить нужно в нижнем регистре. Эта роль технически и психологически сложнее, нужно тянуть действие на себе.

— В кино собираетесь сниматься?

— Собираюсь, но много плохих сценариев. Театр «Мастерская Петра Фоменко» постепенно занимает в современной театральной культуре то место, которое когда-то занимала Таганка, а незадолго до нее — театр «Современник». Ольга Романцова, Vesti.ru

«Семейное счастье»: на сцене иногда случается

светской кокеткой Жюли Курагиной. На Маше в «Семейном счастье» Толстого терпение публики лопнуло — Ксении Кутеповой вручили премию Станиславского. Ее невесомые пробежки по комнате, взмахи вязаной шалью, говорящие паузы стали для многих бархатной победой русского психологического театра в самом несуетном и негромком его понимании.

О самоотдаче, обаянии и качественном театре мы решили побеседовать с Ксенией КУТЕПОВОЙ...

— Это «что-то» вы сознательно отказываетесь определить или действительно не знаете, что это?

— (Улыбается). Я не смогу вам это определить. Не смогу.

— В «Семейном счастье» вы с Сергеем Тарамаевым затрагиваете тему миолетности счастья вообще, и затрагиваете блестяще. Вы ощущаете этот спектакль, показавшийся многим сначала легкой безделкой в ожидании эпоса, как поворотный и бенефисный?

— Я не ощущаю его бенефисной работой. В нем столько же, сколько от меня, зависит и от моих партнеров. Так сделан этот спектакль. Но я действительно столкнулась на нем с какими-то вещами, с которы-

Наверное, люди по-прежнему надеются найти в театре ответы на волнующие их вопросы. Если продолжают ходить, значит, не совсем разочаровываются, не отчаиваются что-то найти.

— Вы, актриса одного из самых изысканных московских театров, снялись в телесериале, правда, в более чем достойной компании Елены Кореньевой, Александра Лазарева-младшего и Ирины Муравьевой. Зачем вам это было нужно?

— Много новых ощущений. Одно время для меня категорически было невозможно участвовать в сериалах, как-то мне это казалось нехорошо. Потом пришла другая мысль. Наше актерское поколение лишено воз-

можности уметь что-то на экране. До того как рухнул кинематограф, наша страна выпускала огромное количество фильмов, у актеров была возможность сниматься и приобретать кинематографический опыт. Актер театра и актер кино — одна профессия, но разные техники. В какой-то момент я поняла, что надо сниматься в телесериалах, чтобы понять, что это такое. К тому же было любопытно наблюдать за коллегами, я раньше никогда с ними не работала.

— Вы актриса одного режиссера?

— Не хотелось бы замыкаться на одном виде театра. Хочется играть и нефоменковский театр. Часто задают вопрос: вы представляете себе работу с другими режиссерами. Я представляю себе это. Мне ло-бо-пытно попробовать — другие правила игры, другое ощущение театра. Не идти по проторенной дорожке, а разведать максимальное количество разных тропинок.

— Что изменилось с тех пор, как у «Мастерской» появилось свое здание?